

соблазнявшимся никакими накладками и добавочными работами на испольную землю, и крестьяне продолжали пользоваться землею, лугами и выгонами, на старыхъ, уже около двадцати лѣтъ установившихся условіяхъ, оказавшихся невыгодными для землевладѣльцевъ. Но, странное дѣло, при всѣхъ льготахъ предоставляемыхъ никольскимъ мужикамъ, они годъ отъ году становились менѣе исправными и исполнительными въ отношеніи работъ, и точно вымѣщали на бѣдномъ механикѣ свое, все болѣе и болѣе возраставшее ихъ недовольство надѣломъ, не привычной для нихъ тѣснотой и непомѣрной цѣной на землю, вызванной спекуляціей и увеличеніемъ населенія. По временамъ, Степанъ Савельевичъ приходилъ въ ярость, обрушивался на сельскаго старосту и въ сотый разъ грозилъ мужикамъ лишить ихъ испольной земли и завести своихъ рабочихъ. Староста передавалъ міру негодованіе управителя, нѣсколько дней сряду по всему Никольскому только и слышалось:—Степанъ Савельевичъ сердится... осерчалъ Степанъ Савельевичъ...—а потомъ все стихало и успокаивалось, до новой вспышки доморощенного механика. Между тѣмъ, скрытое недовольство и страшная, хотя и затаенная всеобщая скорбь, все росли и росли какъ бы наперекоръ всякимъ уступкамъ, и уже близокъ былъ часъ покаянія (о которомъ мы подробнѣе поговоримъ въ слѣдующей главѣ) общаго покаянія, какъ богатыхъ, такъ и бѣдняковъ, какъ землевладѣльцевъ, такъ и крестьянъ, глубоко понявшихъ свои ошибки и дѣтское легкомысліе, съ которыми одни—Богъ знаетъ зачѣмъ садились на одну десятину и отшатнулись отъ земли, между тѣмъ, какъ другіе наперерывъ спускали прадѣдовскія гнѣзда всякимъ проходимцамъ и спекулянтамъ.

Быстро смѣнялись событія, такъ или иначе, являясь рано или поздно, но неминуемымъ образомъ отзываясь на глухой Никольской волости.

Наступилъ 1877 годъ. По всѣмъ селамъ и деревнямъ проѣхались и прошли ревностные члены краснаго креста, съ кружками въ рукахъ, встрѣчавшіе полнѣйшее недоумѣніе и невѣжество крестьянъ, когда рѣчь заходила о славянскихъ братьяхъ, и величайшую готовность отдать послѣдній грошъ, какъ только онъ выпрашивался на больныхъ и раненыхъ русскихъ воиновъ. Само собою разумѣется, что эти гроши теряли всякое значеніе, при крупныхъ пожертвованіяхъ, собираемыхъ въ городѣ, гдѣ добровольцы маршировали подъ музыку, а капитанъ Бачмановъ на нѣкоторое время преобразился изъ губернскаго Ювенала въ пламеннаго сочувственника сербскому дѣлу...